

Глава 10. Первая улика

[Даша. Пятница, 18 октября]

Кабинет Марии Сергеевны был маленьким даже по школьным меркам — узкий, с одним окном, выходящим во двор. Но она каким-то образом умудрилась сделать его нестеснённым: цветы на подоконнике, мягкие кресла вместо стульев, на стене не расписание и не правила, а фотографии гор и какая-то акварель с лесом.

Нас было шестеро. Мы четверо — я, Артём, Лиза, Стас. Майор Островский в своём неизменном пиджаке, с блокнотом на колене. И Мария Сергеевна, которая открыла нам дверь и сразу поставила чайник — не спрашивая, нужен ли.

Виктор Зайцев пришёл последним.

Я не знала, кого ожидала увидеть. Наверное, кого-то более... значительного. Человек, чей аккаунт стоит в центре всей этой истории, казался мне в воображении крупнее. Увереннее. Опаснее.

Виктор Павлович Зайцев оказался невысоким мужчиной лет сорока с небольшим, в мятой рубашке и куртке, которая была ему чуть велика. Волосы с проседью, взгляд — не злой, не хитрый. Просто усталый. Очень усталый.

Он вошёл, огляделся, увидел нас четверых и на секунду остановился.

— Здравствуйте, — сказал он. Негромко.

— Проходите, Виктор Павлович, — сказала Мария Сергеевна. — Садитесь куда удобно.

Он выбрал место у стены — подальше от всех. Положил на колени потрёпанную папку. Сцепил руки.

Майор кивнул нам — мол, начинаем.

— Я хотел сам прийти, — сказал Зайцев. Он смотрел не на майора — на нас. — Когда мне сказали, что школьники нашли бэкдор и сообщили в полицию... я понял, что надо объяснить. Лично.

— Объясните, — сказал майор ровно.

Зайцев открыл папку. Там лежали распечатки — много, листов двадцать, скреплённые канцелярской скрепкой.

— Я работал в школе три года. Системным администратором. — Он помолчал. — Я не очень хороший администратор. Это надо признать сразу. Я учился в девяностые, потом работал на заводе, потом переучился на курсах. Школа взяла меня, потому что больше никто не хотел за такую зарплату.

Никто не перебивал.

— В сентябре прошлого года я обновлял серверное программное обеспечение. Долго, сложно, несколько раз ломалось. Чтобы не вводить пароль каждый раз — я создал технический вход. Временный. Для себя, чтобы удобнее работать. — Он потёр лоб. — Потом обновление закончилось. Я забыл закрыть этот вход. Просто забыл. Не специально.

— Когда вас уволили — вы вспомнили о нём? — спросил майор.

— Нет. — Зайцев покачал головой. — Вспомнил три недели назад. Читал про утечки данных в региональных учреждениях — там была статья, как через старый технический вход взломали базу одной из больниц. И вдруг вспомнил. Полез проверить старые резервные копии — у меня дома был бэкап системных логов, я делал их для себя, на всякий случай. — Он положил руку на папку. — Вот они. Логи за последние полгода. Кто-то действительно использовал этот вход. Регулярно.

Майор кивнул и что-то записал. Потом поднял голову:

— Виктор Андреевич, атаки на учеников начались седьмого октября. А вы говорите — вспомнили три недели назад. Получается, вы знали о бэкдоре ещё до того, как всё началось. И пришли только сейчас.

Зайцев не ответил сразу. Смотрел на папку.

— Боялся, — сказал он, наконец. — Что подумают на меня.

Майор снова кивнул. Ничего не добавил — просто записал.

Я смотрела на Зайцева и думала: три недели. Три недели он знал — и молчал.

Артём подался вперёд. Я видела, как у него изменилось лицо — стало сосредоточенным, рабочим.

— Можно посмотреть?

Зайцев посмотрел на майора. Тот кивнул.

Зайцев протянул папку Артёму.

Следующие десять минут Артём листал распечатки молча. Иногда что-то бормотал себе под нос. Один раз попросил ручку — Мария Сергеевна дала — и что-то подчеркнул.

Мы ждали. Стас смотрел в окно. Лиза рисовала в своём блокноте — мелкие быстрые линии, которые она делала всегда, когда нервничала. Я пила чай и наблюдала за Зайцевым.

Он не выглядел как преступник. Он выглядел как человек, которому давно плохо и который, наконец, решился что-то сделать с этим ощущением.

— Виктор Павлович, — сказала я. — Вы когда поняли, что кто-то использует этот вход — вам было страшно?

Он посмотрел на меня с удивлением. Наверное, не ожидал вопроса от меня.

— Да, — сказал он просто. — Очень. Я думал — скажу, и решат, что я сам всё сделал. Что специально оставил. Что я часть этого.

— Поэтому молчали три недели?

— Да.

Я кивнула. Это было понятно. Это было очень понятно — бояться, что признание сделает только хуже. Что взрослые не разберутся, накажут первого, кто попался.

Мы все это знали. По-разному, но знали.

— Хорошо, что пришли, — сказала я.

Зайцев посмотрел на меня — долго, как будто проверяя, не насмешка ли это. Потом чуть опустил плечи. Как будто что-то отпустило.

— Нашёл, — сказал Артём.

Все повернулись к нему. Он держал несколько листов — выбрал из стопки, разложил на журнальном столике.

Я пересела ближе.

— Смотрите. Вот логи входов через бэкдор. Дата, время, IP-адрес. — Он показал столбцы цифр. — IP-адрес — это как почтовый адрес для компьютера. Каждый раз, когда устройство подключается к интернету, оно получает такой адрес. По нему можно примерно понять, откуда шло подключение.

— Примерно — это насколько точно? — спросил Стас.

— До района города. Иногда точнее, если провайдер сотрудничает со следствием. — Артём поправил очки. — Но вот что интересно. Смотрите на время входов. — Он обвёл несколько строк. — Почти всегда — вечер. С восьми до одиннадцати. В будние дни.

— Как у школьника, — сказала Лиза тихо.

— Или у человека с обычным рабочим днём, — поправил Артём. — Но вот это. — Он указал на конкретную строку. — Вход в школьную сеть через бэкдор — в среду, девятого октября. В девять вечера. Одновременно с этим — в школьных логах фиксируется выход бота на аккаунты учеников.

Я смотрела на цифры. Девятое октября — это был вторник, когда Лиза попала на catfishing. Нет, среда. День, когда Стас потерял деньги.

— Он заходил в школьную сеть прямо в момент атаки, — сказала я.

— Либо сразу после, чтобы проверить результат, — сказал Артём. — В любом случае — это не случайность. Это паттерн. Он использует школьную сеть как базу.

— Как именно использует? — спросил Стас.

— Заходит через бэкдор. Оттуда выходит в интернет — но уже не со своего адреса, а со школьного IP. Запускает ботов. С точки зрения любого сервиса атака идёт от школы, не от него. Потом заходит снова — смотрит школьную почту, внутренние системы. Проверяет, заметили ли. Есть ли паника. Что пишут учителя друг другу.

— То есть школа для него и маска, и источник информации, — сказала я.

— Подождите, — сказал Стас. — Зайцев говорит, что никому про бэкдор не рассказывал. Откуда тогда Призрак вообще про него знал?

— Нашёл сам, — сказал Артём. — При сканировании сети уязвимости видны. Зайцев оставил дыру — Призрак её нашёл. Я нашёл её за несколько часов случайно. Он искал целенаправленно.

— Бывший сотрудник? — Стас посмотрел на Зайцева. Не агрессивно — просто прямо.

Зайцев не отвёл взгляд.

— Я понимаю, о чём вы думаете, — сказал он. — Что это мог быть я. — Пауза. — Это не я. Но я понимаю, почему вы так думаете.

— У вас есть алиби на даты атак? — спросил майор. Спокойно, как всегда.

— Да. Я работаю сейчас в сервисном центре, посменно. Девятого октября я работал с двенадцати до двенадцати — ночная смена. Есть записи.

Майор что-то отметил в блокноте.

— Мы проверим, — сказал он. — Это формальность.

Зайцев кивнул. Он понимал, что это не формальность — но не возражал.

— Виктор Павлович, — сказал майор. — Вы понимаете, что информация об этой встрече не должна выйти за эти стены?

Зайцев посмотрел на него.

— Понимаю. Я никому не скажу, — сказал Зайцев. Тихо, но твёрдо. — Я пришёл сюда именно для этого. Чтобы помочь исправить то, что натворил по глупости.

Майор смотрел на него секунду. Потом кивнул — коротко, без лишних слов.

— Бэкдор пока не закрываем — пусть думает, что вход открыт. Но сервер с личными делами учеников изолируем отдельно. — Майор помолчал. — И камеры в школе отключаем от сети. Все.

— Камеры? — спросил Стас.

— Школьные камеры подключены к той же локальной сети, — сказал Артём. Он говорил ровно, как будто объяснял очевидное. — Если у него есть вход в сеть через бэкдор — он видит всё что видят камеры. И слышит. Большинство IP-камер с микрофоном.

— То есть он мог слышать всё, что происходило в школе, — сказал Стас. — Любой разговор. В любом кабинете.

— До сегодняшнего дня — да.

Стас огляделся. Мария Сергеевна поняла его взгляд раньше, чем он спросил.

— Здесь камер нет, — сказала она спокойно. — Никогда не было. Кабинет психолога — это пространство доверия. Камеры здесь противоречат самой идее.

— Поэтому мы здесь, — сказал майор. — И поэтому все дальнейшие встречи по этой теме — только здесь.

— Игорь Владимирович, — сказал Артём. — В логах есть IP-адреса. Полиция может определить, кому они принадлежат?

— С запросом к провайдеру — да, — сказал майор. — Это займёт время, но возможно.

— Тогда там будет имя, — сказал Артём. Он посмотрел на нас. — Настоящее имя. Не никнейм, не аккаунт без фото. Адрес подключения.

В комнате стало тихо.

Я смотрела на цифры в распечатке. Где-то за этими строчками — человек. Реальный, с именем и адресом. Тот, кто слушал мой разговор с мамой. Кто сделал deepfake про Стаса. Кто переписывался с Лизой, притворяясь одноклассником.

— Когда будет результат? — спросила я.

— Несколько дней, — сказал майор. — Может, больше.

Несколько дней — это был не тот ответ, который хотелось услышать. Но это был честный ответ.

Зайцев уходил последним — майор попросил его задержаться для формальных вопросов.

Мы четверо вышли в коридор. Школа была почти пустой — пятница, конец дня, все разошлись. Только где-то в спортзале глухо стучал мяч.

— Даша.

Меня догнала Катя Никонова из нашей волейбольной команды.

— Тренер спрашивал, — сказала она без предисловий. — Говорит, если в понедельник не придёшь — снимет с состава.

— Поняла, — сказала я.

Катя ушла.

Я стояла и думала, что неделю назад это было бы катастрофой. Сейчас — просто ещё одна проблема в очереди.

— Он не виноват, — сказала Лиза. Не вопросительно — утвердительно.

— По всей видимости, нет, — сказал Артём.

— Мне его жалко, — сказала она. — Он три недели боялся прийти. Думал, что его обвинят. — Пауза. — Я понимаю это чувство.

Стас облокотился на подоконник, скрестил руки.

— Значит, ждём, пока полиция разберётся с IP-адресами?

— Не только, — сказал Артём. Он достал телефон, открыл заметки. — Я хочу проверить кое-что ещё. В логах есть даты, когда бэкдор использовался, но атак не было. Просто входы. Он изучал систему. Искал что-то конкретное.

— Что именно?

— Не знаю пока. Но есть одна папка, к которой он обращался чаще всего. — Артём поднял взгляд. — Школьный сервер с оценками и личными делами учеников.

Я почувствовала, как что-то сжалось в груди.

— Там данные на всех, — сказала я медленно. — Адреса. Телефоны родителей. Медицинские справки. Всё.

— Да, — сказал Артём. Он помолчал. — И ещё кое-что. Я заметил только сейчас, когда прокручивал логи в голове. Там были не только входы. Были исходящие пакеты данных. Небольшие, нерегулярные — я сначала принял их за системные. Но паттерн неправильный.

— Ты думаешь, он уже скопировал данные? — спросила я.

— Часть — возможно. Сервер сегодня закрыли, но если он успел раньше — это уже не важно. Данные у него.

— Надо сказать Островскому, — сказала Лиза.

— Напишу прямо сейчас. — Артём уже набирал сообщение. — Просто хотел сначала сказать вам. Чтобы понимали: мы, возможно, уже не предотвращаем утечку. Мы разбираемся с последствиями.

Стас разогнулся с подоконника. Ничего не сказал.

Мяч в спортзале перестал стучать. Коридор был совсем тихим.

— Тогда у нас мало времени, — сказала я.
